

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

«Домик под грушевым деревом»

Последний псевдоним Черубины

Владимир Глоцер
(Москва)

История Черубины де Габриак, стихи которой появились в 1909 году в журнале «Аполлон», известна всем, кто любит русскую поэзию. Одиннадцать ее стихотворений, напечатанных во втором номере этого журнала, произвели огромное впечатление на современников. А все, что сопровождало их публикацию, отмеченное загадочностью и тайной, навсегда придало образу поэтессы легендарные очертания¹.

Литераторы, причастные к кругу «Аполлона», были даже разочарованы, когда узнали, что под именем Черубины де Габриак скрывается всем им знакомая поэтесса Елизавета Ивановна Дмитриева².

К великому сожалению, раскрытие псевдонима совпало с любовной драмой Е. Дмитриевой, и это был двойной удар для нее. В те дни поздней осени 1909 года два поэта — Максимилиан Волошин и Николай Гумилев, оба близких ей человека, стрелялись на Черной речке, и непосредственным поводом к этой дуэли было их отношение к Дмитриевой³.

Окончательный разрыв с Николаем Гумилевым и разлука с Максимилианом Волошиным отозвались тяжелым душевным потрясением для поэтессы. В конце жизни она вспоминала: «После дуэли я была больна, почти на краю безумия. Я перестала писать стихи, лет пять я даже почти не читала стихов, каждая ритмическая строчка причиняла мне боль...»⁴.

Взлет, которым запомнилось всем вступление Черубины в литературу, отныне казался лишь ослепительной вспышкой, угасшей навеки.

«Тот путь искусства, к(отор)ый был близок для меня раньше, — писала она М. Волошину спустя почти год после драмы, — теперь далек навсегда. Ничего моего в печати больше не появится. Я-художник умерла»⁵.

Однако читатель уже жаждал новых стихотворений Черубины, и, отвечая этому вспыхнувшему и неугасшему интересу, «Аполлон» в следующем, 1910 году опу-

¹ Все, связанное с историей появления стихотворений Черубины де Габриак в «Аполлоне» и последующими событиями, освещено в моей публикации в журнале «Новый мир» (1988. № 12. С. 132—170): *Елис. Васильева*. «Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми: стихи и любовь». Помимо вступительной статьи, там «Автобиография» Черубины, «Рассказ о Черубине де Габриак» М. А. Волошина, десять ее писем к М. Волошину 1908—1928 годов, так называемая «Исповедь» Черубины (письмо к Е. Я. Архиппову, осень 1926 года) и стихотворения 1907—1928 годов.

² См. об этом: *Маковский С.* Черубина де Габриак, в его кн.: *Портреты современников*. Нью-Йорк, 1955; *Guenther J.* Ein Leben Ostwind. München, [1969]. S. 284—300.

³ Об этом см. в двух воспоминаниях, названных в предыдущем примечании, а также в «Рассказе о Черубине де Габриак» М. А. Волошина (Новый мир. 1988. № 12. С. 151—152).

⁴ Письмо к Е. Я. Архиппову // Новый мир. 1988. № 12. С. 160.

⁵ Письмо 16/29 ноября 1910 года // Там же.

 Владимир Глоцер. Последний псевдоним Черубины

ликовал еще тринадцать стихотворений Черубины в изящном обрамлении Е. Лансере, а рядом, в том же номере журнала, — стихи под ее подлинным именем — Е. И. Дмитриева, написанные как бы другой рукой.

Время от времени стихи Черубины печатались и в провинциальных альманахах, но то были стихи прежних лет.

«Я не буду больше писать стихи, — с горечью говорила она в письме к М. Волошину. — Макс, ты выявил во мне на миг силу творчества, но отнял ее у меня навсегда потом»¹.

По счастью, Черубина ошибалась, и через пять лет снова стала писать, но уже не печатала свои стихи никогда.

«Между Черубиной 1909—1910 гг. и ею же с 1915 года и дальше — лежит очень резкая грань, — размышляла поэтесса в поздние годы. — Даже не знаю — одна она и та же или уже та умерла. Но не бросаю этого имени, потому что чувствую в душе преемственность и, не приемля ни прежней, ни настоящей Черубины, взыскую грядущей»².

В 1911 году Е. И. Дмитриева вышла замуж за инженера-мелиоратора В. Васильева и посвятила себя антропософии. Она стала одним из руководителей Петербургского антропософского общества и по его делам часто ездила в Германию, Швейцарию и Финляндию³.

Видимо, принадлежность к антропософам и стала причиной гонений, которым Елис. Васильева подверглась в 20-е годы. Обыски, во время которых пропали ее стихи, а затем и арест в 1927 году, когда она служила в Библиотеке Академии наук, положили конец ее относительно спокойной жизни.

Ее, хромую (в детстве она перенесла туберкулез костей), погнали этапом на Урал.

«Я медленно гасну, — писала она поклоннику ее поэзии Евгению Яковлевичу Архипову. — Ведь через месяц [1. VII] мои муки опять начались. Внезапно ночью меня poslali на Урал, poslali в ужасных условиях, там месяц до 1го авг. я была в Екатеринбурге, опять за решеткой. — Месяц физической пытки. Голод. — Но друзья хлопотали. 1 Авг. я уже самостоятельно уехала в Ташкент. Здесь должна быть 3 года. Вернусь ли я когда-нибудь в мой город, где все мое сердце?! Здесь я умираю»⁴.

На Урале ей было предложено выбрать, где она проведет ссылку, и Черубина выбрала Туркестан, Ташкент, в котором бывал по делам службы Воля Васильев.

«Я очень люблю Туркестан, — писала Е. Васильева в октябре 1927 года М. Волошину, — но я *очень* до боли тоскую и хочу домой. Я *никого* не вижу здесь, всего ведь не напишешь, но так я нахожу нужным, п(отому) ч(то) так лучше для других, к(а)к ты понимаешь. У меня — запрет 6 городов, в остальные места я могу свободно ехать с разрешения местных властей»⁵.

Каждую неделю она должна была являться в ГПУ («я регистрируюсь в ГПУ и вообще на учете», — сообщала она М. Волошину⁶).

В Ташкенте ее навестил Юлиан Константинович Щуцкий, адресат многих ее стихов⁷, — они любили друг друга. Это был молодой талантливый филолог-восто-

¹ Письмо 15 марта 1910 года // Новый мир. 1988. № 12. С. 160.

² Автобиография // Там же. С. 140.

³ См., например, ее письма к М. А. Волошину — ИРЛИ, ф. 562 (М. Волошина), оп. 3, ед. хр. 319, л. 19—19 об. (от 30.XI.1913), 20—20 об. (17.I.1914), 25—28 об. (26.V.1916) и другие.

⁴ Письмо 26 августа 1927 года — РГАЛИ, ф. 1458 (Е. Я. Архипова), оп. 2, ед. хр. 22, л. 37—37 об.

⁵ Новый мир. 1988. № 12. С. 158.

⁶ Там же.

⁷ Стихотворения Е. И. Васильевой, посвященные Ю. К. Щуцкому. (Вступительная статья и публикация Н. Ю. Грякаловой) // Русская литература. 1988. № 4. С. 200—205. Все же у Е. Васильевой больше стихотворений, обращенных к Ю. Щуцкому, нежели приведено в этой публикации. В частности, еще и сле-

ковед и переводчик, знаток Китая. Впоследствии он прославился фундаментальными работами по Востоку (среди которых — «Китайская классическая "Книга перемен"»). Но еще в 1923 году во «Всемирной литературе» вышла в его переводах «Антология китайской лирики VII—IX вв. по Р. Хр.», которую дружески помогала ему составлять и редактировала Елис. Васильева¹.

Их судьбы завершились одинаково печально. В конце 30-х годов Юлиан Щуцкий был арестован и расстрелян. Но это было уже после смерти Е. Васильевой.

Шел предпоследний год ее жизни. Она жила в Ташкенте, недоумала и безумно тосковала по Петербургу. Здесь, при участии Щуцкого, она задумала написать сборник коротких стихотворений — «Домик под грушевым деревом». Завершив его, Черубина прислала этот рукописный сборник, со вложенными в него листиками груши, Е. Я. Архиппову.

В письме к Е. Архиппову, который и сохранил для потомков ее стихи и с которым она, однако, никогда в жизни не виделась, Черубина подробно рассказала «литературную историю» «Домика»².

«Он задуман и начат, когда здесь был мой друг Юлиан Щ. — синолог. Грушевое дерево существует; оно вросло в террасу флигелька, где я живу. Это дало повод Ю(лиану) называть меня по китайскому обычаю Ли¹ Сян²-цзы³ = Философ³ из домика² под груш(евым)¹ деревом и предложить мне, как делали все кит(айские) поэты в изгнании, написать сборник "Домик под грушевым деревом" — поэта Ли Сян-цзы.

дующие: «И вот опять придет суббота...» (осень 1922 года), «Ты сам мне вырезал крестик...» (VII.1924), «Ты сказал, что наша любовь — вереск...» (13.VIII.1924).

В своем «Жизнеописании» (1935) Ю. Щуцкий говорил: «Интерес к поэзии и развитие поэтического вкуса — это нечто вложенное в меня, а не исконное мое, как музыка». Назвав имена двух людей, повлиявших на него в этом отношении (Л. А. Дельмас-Андрееву и П. З. Андреева), он дальше пишет: «Не меньшее влияние на развитие моих поэтических вкусов оказала покойная Е. И. Васильева (Черубина де Габриак), которая, более того, собственно, сделала меня человеком. Несмотря на то что прошли уже годы с ее смерти, она продолжает быть центром моего сознания как морально творческий идеал человека». И в самом конце «Жизнеописания»: «...на примере с Е. Васильевой вижу, что и смерть не нарушает самого существа дружбы».

О Ю. К. Щуцком (1897—1938) см.: *Конрад Н.* От редактора // Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960. С. 5—14; *Петров Н.* Ю. К. Щуцкий: (Библиографическая справка) // Там же. С. 15—17; *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. М., 1982. С. 89—93 («Записка о научных трудах и научной деятельности профессора-китаеведа Юлиана Константиновича Щуцкого» [1935]). С. 93—97 (приложения 1—7), а также важные упоминания на с. 30, 203, 205—210, 219—221, 223, 239, 371, 383, 399—407, 440—442 и других; *Баньковская М. В.* «Малак» — литературные вечера востоковедов: 1920-е годы // Традиционная культура Китая. М., 1983. С. 119—126; *Кобзев А.* Победа синих чертей: (о Ю. К. Щуцком) — Ю. Щуцкий. Жизнеописание // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 4. С. 142—147, 148—155 (с приложением библиографии работ Ю. К. Щуцкого и литературы о нем и его произведениях, с. 155—156); *Баньковская М. В.* Семь ярких всплшек: Ю. К. Щуцкий // Там же. 1993. № 1. С. 143, 145—147; *Кобзев А. И.* Китайская книга книг // Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» / Под ред. А. И. Кобзева. 2-е изд., испр., и доп. М., 1993 (в этом же издании обширная «Вступительная часть», в которую, кроме названной статьи, входят статьи В. М. Алексеева, Н. И. Конрада, «Жизнеописание» Ю. К. Щуцкого, библиография работ Ю. К. Щуцкого и о нем. С. 7—82); *Милибанд С. Д.* Библиографический словарь отечественных востоковедов: С 1917 г. 2-е изд., перераб. и доп. Кн. 2. М., 1995. С. 672—673.

¹ Антология китайской лирики VII—IX вв. по Р. Хр. / Перевод в стихах Ю. К. Щуцкого, редакция, вводные обобщения и предисловие В. М. Алексеева. М.; Пб., 1923. 144 с.

² Письмо от мая 1928 года, число обрезано, год помечен рукой Е. Я. Архиппова — РГАЛИ, ф. 1458, оп. 2, ед. хр. 11, л. 65. Письмо цитировано в упомянутой статье Н. Ю. Грякаловой.

Владимир Глоцер. Последний псевдоним Черубины

Так и сделано. С его помощью написано предисловие в духе кит(айских) поэтов и даны *заглавия* каждому из 7-стиший¹.

«Внутри они, конечно, вовсе не китайские, — признавалась поэтесса, — кроме 3—4 образов»². Но это было и так очевидно. Все лирические семистишия пронизывала тоска Черубины, заброшенной в чужой край, в далекую ссылку и разлученной со всем, что ей дорого. Обреченной — на годы! — на разлуку с родным домом, с друзьями, с любимым. И хотя всё окружающее Ли Сян-цзы овеяно поэзией, это поэтическое мирозерцание не в силах заглушить его (Ли Сян-цзы) муку, тоску и боль.

Как и в начале своего пути, Черубина предпочла скрыться под псевдонимом и только тогда обнажить свою душу перед читателем. Так она закольцевала свой путь. Помощь и подсказка Ю. Щуцкого в выборе сюжета были, конечно, только внешней стороной замысла. Видимо, поэтическая маска, личина, образ двойника оставался для нее намного ближе, чем открытое лицо. Она бы и сама вряд ли объяснила, почему в образе Черубины или в образе Ли Сян-цзы чувствовала себя лирически раскрепощенной.

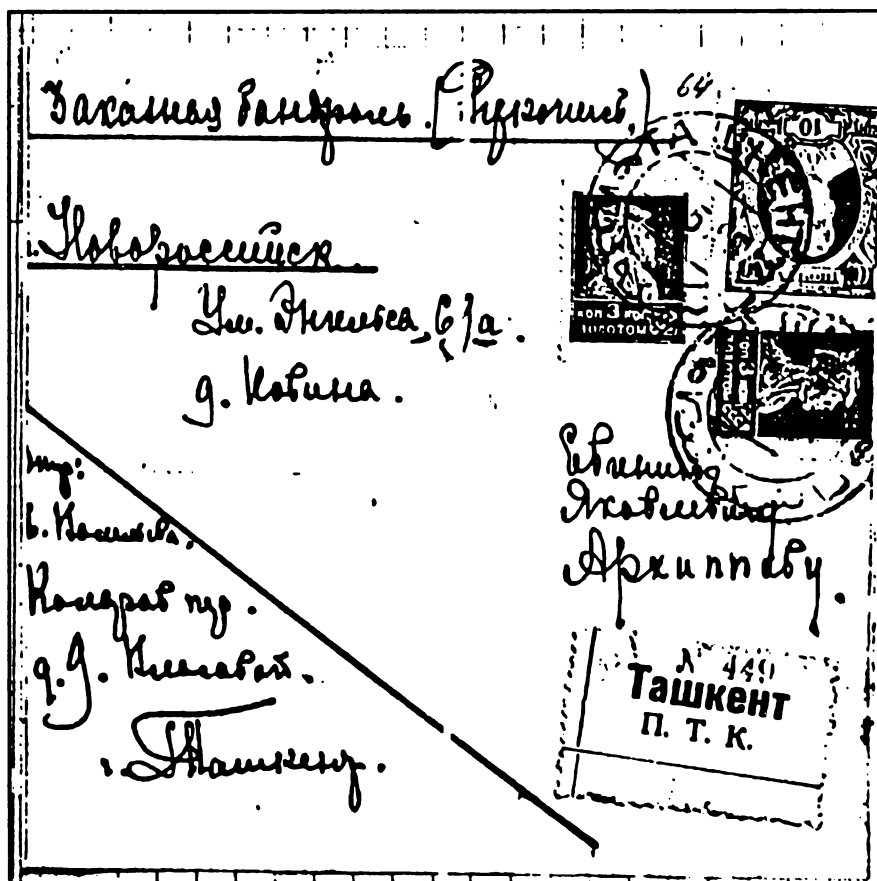
«И еще одно, — писала она Е. Архиппову, — для того, чтобы мне быть совсем открытой с *Вами*. Из мира я должна уйти неразгаданной, п(отому) ч(то) я сама не разгадала себя. Если разгадаю — скажу»³.

«Домик под грушевым деревом» написан за месяц и несколько дней, в сентябре-октябре 1927 года. Через год, в начале декабря 1928 года Елизавета Ивановна Васильева скончалась на чужбине, в Ташкенте.

Ли Сян-цзы стал последним псевдонимом Черубины.

В полном, неразрозненном виде «Домик под грушевым деревом» печатается впервые. Некоторые стихотворения из него стали появляться начиная с 1970 года в заметках из очень известного издания Вл. Лидина «Друзья мои — книги».

Рукопись сборника хранится в РГАЛИ (ф. 1458, оп. 2, ед. хр. 11, л. 40—63). Каждое стихотворение в рукописи — на отдельной странице. Эту рукопись Е. Васильева послала в мае 1928 года заказной бандеролью в Новороссийск Е. Я. Архиппову.

Конверт, в котором Елис. Васильева послала свой рукописный сборник «Ли Сян-цзы. Домик под грушевым деревом» Е. Я. Архиппову. 1928 год. РГАЛИ, ф. 1458, л. 64. Публикуется впервые

¹ РГАЛИ, ф. 1458, оп. 2, ед. хр. 11, л. 65—65 об.

² Там же, л. 65 об.

³ Письмо 13 мая 1922 года — РГАЛИ, ф. 1458, оп. 2, ед. хр. 22, л. 29.

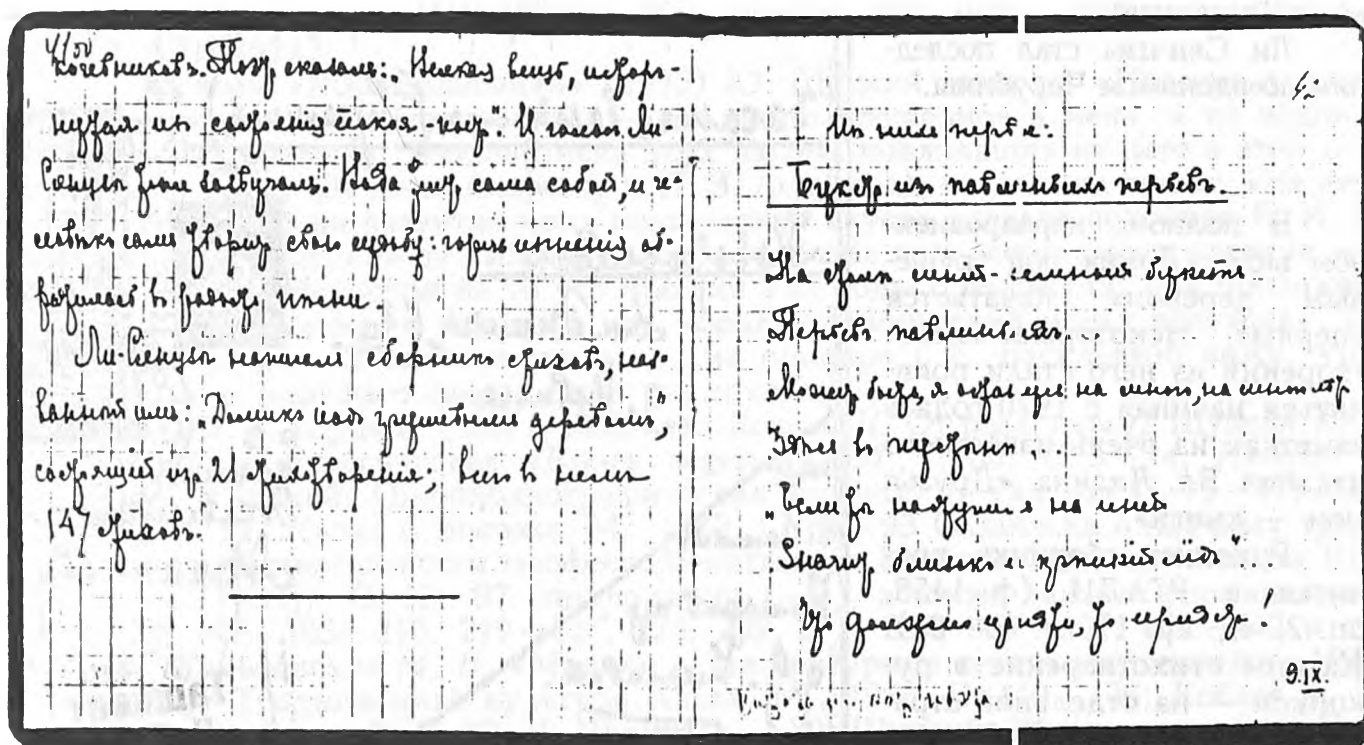
Ли Сян-цзы
Домик
под
Грушевым Деревом

Предисловие

В 1927 году от Рождества Христова, когда Юпитер стоял высоко на небе, Ли Сян-цзы, за веру в бессмертие человеческого духа, был выслан с Севера в эту восточную страну, в город Камня.

Здесь, вдали от родных и близких друзей, он жил в полном уединении, в маленьком домике под старой грушей. Он слышал только речь чужого народа и дикие напевы желтых кочевников. Поэт сказал: «Всякая вещь, исторгнутая из состояния покоя, поет». И голос Ли Сян-цзы тоже зазвучал. Вода течет сама собой, и человек сам творит свою судьбу: горечь изгнания обратилась в радость песни.

Ли Сян-цзы написал сборник стихов, названный им: «Домик под грушевым деревом», состоящий из 21 стихотворения; всего в нем 147 стихов.

Страницы из рукописного сборника Елис. Васильевой «Ли Сян-цзы. Домик под Грушевым Деревом». 1928 год. РГАЛИ, ф. 1458, л. 41 об.—42.

Публикуется впервые

Из них первое:

Букет из павлиньих перьев

На столе синий-зеленый букет

Перьев павлиньих...

Может быть, я останусь на много-много лет

Здесь в пустыне...

«Если ты наступил на иней,
Значит, близок и крепкий лед»...
Что должно придти, то придет!

9.IX.(1927)

Цитата из кит(айского) поэта. Ч.

Из них второе:

На балконе под грушей

Покрыто сердце пылью страха,
Оно, как серые листья...
Но подожди до темноты:
Взметнется в небо fuga Баха —
Очнешься и увидишь ты,
Что это он весь страх твой вытер
И наверху зажег Юпитер.

9.IX

Из них третье:

Ивы

За домами, в глухом переулке,
Так изогнуты ветви ив,
Как волна на гребне застыв,
Как резьба на моей шкатулке...
Одиноки мои прогулки:
Молча взял уезжающий друг
Ветку ивы из помнящих рук.

12.IX

Кит(айский) обычай: при разлуке давать ветвь ивы. Ч.

Из них четвертое:

Разлука с другом

Мхом ступени мои поросли,
И тоскливо кричит обезьяна:
Тот, кто был из моей земли, —
Он покинул меня слишком рано.
След горячий его каравана
Заметен золотым песком.
Он уехал туда, где мой дом.

20.IX

Из них пятое:

Река

Здесь и в реке — зеленая вода,
Как плотная, ленивая слюда

Оттенка пыли и полыни...
Ах, лишь на севере вода бывает синей...
А здесь — Восток.
Меж нами, как река, пустыня,
А слезы, как песок.

20.IX

Из них шестое:

Китайский веер

На веере — китайская сосна...
Прозрачное сердце, как лед.
Здесь только чужая страна,
Здесь даже сосна не растет.
И птиц я слежу перелет:
То тянутся гуси на север.
 Дрожит мой опущенный веер...

23.IX

Из них седьмое:

Старые книги

Как для монаха радостны вериги,
Ночные бденья и посты, —
Так для меня (среди этой пустоты!)
Остались дорогими только книги,
Которые со мной читал когда-то ты!
И, может быть, волшебные страницы
Помогут мне не ждать... и покориться.

26.IX

Из них восьмое:

Домик под грушей

Домик под грушей...
Домик в чужой стране.
Даже в глубоком сне
Сердце свое послушай:
Там — обо мне!
Звездами затканый вечер —
Время невидимой встречи.

27.IX

Из них девятое:

Вожатый

На пороге — Гость Крылатый:
Строгий облик, меч и латы...
Под Землею — Змей

Источает смрад и пламя...
Вниз с открытыми глазами,
За крылатыми шагами
Вниз иди смелей!

29.IX

Michaelstag (Михайлов день (нем.))

Из них десятое:

Караван

Пустыни горький океан...
Слова в душе оцепенели...
Идет к неведомой мне цели,
Сквозь пыльный солнечный туман,
Как серый жемчуг, караван...
Что может быть прекрасней линий
Верблюдов, призраков пустыни?

3.X

Из них одиннадцатое:

Лиловый платок

Китайский лиловый платочек.
Знаки твоей страны:
Узор из серебряных точек
И ветка сосны.
Я, и при слабом свете Луны,
Узор на платке разберу...
И слезы со щек сотру.

3.X

Из них двенадцатое:

Журавль

Нет больше журавля!
Он улетел за другом,
Сомкнулось Небо кругом,
Под ним такая плоская Земля!
О, почему вернуться мне нельзя
Туда, домой, куда ушел ты,
А следом за тобой журавль желтый.

3.X

Из них тринадцатое:

Комната в луне

Вся комнатка купается в луне,
Везде луна, и только четко, четко
Тень груши черная на голубой стене,
И черная железная решетка

В серебряном окне...

Такую же луну видала я во сне,
Иль, может быть, теперь все снится мне?

12.X

Из них четырнадцатое:

Бабочка

...И сон один припомнился мне вдруг:
Я бабочкой летала над цветами;
Я помню ясно: был зеленый луг,
И чашечки цветов горели, словно пламя.
Смотрю теперь на мир открытыми глазами,
Но, может быть, сама я стала сном
*Для бабочки, летящей над цветком?

12.X

*Образ из кит(айской) поэзии. (Прим. автора.)

Из них пятнадцатое:

Огонь над пеплом

Не навеки душа ослепла —
Золотые цветы огня
Расцветают над грудой пепла
 Для тебя и меня,
Потому что такое пламя
Мы раздули с тобой не сами,
И его погасить нельзя!

12.X

Из них шестнадцатое:

Тень Героя

Здесь всюду мчался белый конь
Молниеносного Героя,
И среди пыли, вихря, зноя
Звучат рога его погонь,
И как запекшийся огонь
Стал цвет Земли темно-лиловым...
 О, странник, к битве будь готовым!

12.X

Из них семнадцатое:

Чинары Александра*

...Воспоминаний злых страна...
Каким мучительным пожаром
Здесь плоть Земли опалена?
Скажи, какая власть дана

Твоим обугленным чинарам?
— «Здесь над землю черный ад,
Отсюда я вернусь назад».

12.X

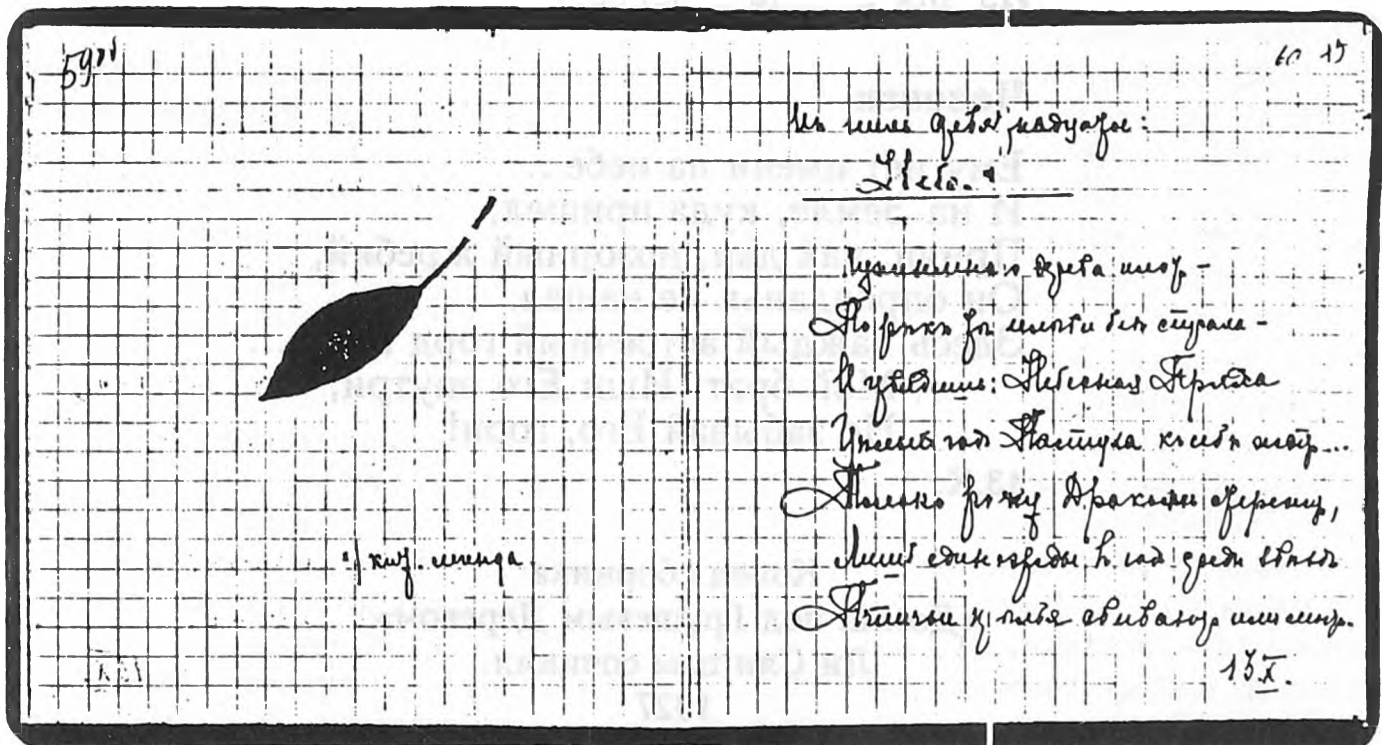
*Местное предание, связанное с засохшими чинарами на старом кладбище. (Прим. автора.)

Из них восемнадцатое:

Гроздь винограда

Черной гроздью винограда
Стало сердце: вот оно!
Эту ль гроздь мне выжать надо,
Чтоб из чаши, полной яда,
Сделать доброе вино?
Сердце выжатое плачет,
Почему нельзя иначе?

13.X

Страницы из рукописного сборника Елис. Васильевой «Ли Сян-цзы. Домик под Грушевым Деревом». 1928 год. РГАЛИ, ф. 1458, л. 59 об.—60. Публикуется впервые

Из них девятнадцатое:

Небо*

Чужеземного дерева плот —
По реке ты плыви без страха —
И увидишь: Небесная Пряжа
Целый год Пастуха к себе ждет...

Только реку Дракон стережет,
Лишь единожды в год среди звезд
Птичьи крылья свивают им мост.

13.Х

*кит(айская) легенда. (Прим. автора.)

Из них двадцатое:

Земля

В пустыне знойной нет дорог...
Последний бой здесь был проигран...
И вот червонной шкурой Тигра
Покрыт трепещущий Восток.
Но кровь текла... И Джин Проклятый
Забрызгал кровью весь песок —
И стала шкура полосатой...

13.Х

Из них двадцать первое:

Человек

Ему нет имени на небе...
И на Земле, куда пришел,
Привав, как дар, позорный жребий,
Он оправданья не нашел.
Здесь каждый встречный горд и зол...
Мой брат! Ищи Его внутри,
Не забывай Его, гори!

13.Х.

Конец сборника
«Домик под Грушевым Деревом»
Ли Сян-цзы сочинил.
1927

Подготовил к печати Владимир Глоцер